

же тебѣ еще блага, когда въ тебѣ Богъ и весь міръ?»—спрашиваетъ онъ. («Жизнь—благо», стр. 5—7). «Если рай не въ тебѣ самомъ, то ты никогда не войдешь въ него», цитируетъ онъ Августина.

Изъ сказаннаго опять-таки видно, что положеніе: *«Царство Божіе внутри насъ»*—не парадоксъ, а необходимый выводъ изъ основныхъ посылокъ. Итакъ—жизнь есть цѣнность и высшее благо. Ея смыслъ заключается во все бѣльшемъ и бѣльшемъ возсоединеніи со своей первоосновой—Богомъ. «Жизнь человѣческая есть неперестающее возсоединеніе отдѣленнаго тѣломъ духовнаго существа съ тѣмъ, съ чѣмъ оно сознаетъ себя единымъ. Понимаетъ или не понимаетъ это человѣкъ, хочеть онъ или не хочеть, возсоединеніе это неудержимо совершается тѣмъ состояніемъ, которое мы называемъ жизнью человѣческой. Разница между людьми, не понимающими своего назначенія и не хотящими его исполнять, и понимающими его и желающими жить сообразно ему, въ томъ, что жизнь не понимающихъ его есть неперестающее страданіе, жизнь же понимающихъ и исполняющихъ назначеніе—неперестающее, увеличивающееся благо» (Тамъ же, 9). «Всякое страданіе есть только Майи, приистекающее изъ того, что человѣкъ не сознаетъ своего единства съ Богомъ, а видитъ въ себѣ только тѣлесную личность: Ивана, Мавру и т. д. Отсюда и вытекаетъ, что, не сознавая въ себѣ Бога, онъ становится рабомъ и несчастнымъ, сознавая же Его,—онъ дѣлается «свободнымъ, всемогущимъ и не знаетъ зла»... И чѣмъ больше онъ сознаетъ Его въ себѣ, чѣмъ сильнѣе стремится къ Нему, тѣмъ осмысленнѣе становится его жизнь. Это высшая и конечная цѣль, по отношенію къ которой всякая другая цѣль становится относительной. Всякая другая цѣль по достиженіи ея перестаетъ быть цѣлью, говоритъ Толстой, стремленіе же къ Богу никогда не теряетъ своего значенія, ибо Богъ есть высшее, конечное совершенство, «не теряетъ своего радостнаго значенія одно: сознание своего движенія къ совершенству» (стр. 10), иначе говоря, стремленіе къ Богу есть высшій регулятивный принципъ.